

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ)

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2

EDN: SAUMQY

Этнокультурные смыслы патриотизма и исторической памяти у народов Чукотки

Ссылка для цитирования: Коломиец О. П., Нувано В. Н. Этнокультурные смыслы патриотизма и исторической памяти у народов Чукотки // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 15–36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

For citation: Kolomiets O. P., Nuvano V. N. Ethnocultural Meanings of Patriotism and Historical Memory among the Peoples of Chukotka. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 15–36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

SPIN-код: 2916-0811

Коломиец Оксана Петровна¹

¹Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН, Анадырь, Россия

okkolo@mail.ru

SPIN-код: 2514-4336

Нувано Владислав Николаевич¹

¹Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН, Анадырь, Россия

vlad_nuvano@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу этнокультурных особенностей понимания патриотизма, концептов «родина» и «герой» среди коренных малочисленных народов Чукотки, исторической памяти о Великой Отечественной войне в условиях современных геополитических вызовов, включая специальную военную операцию. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения консолидирующей роли патриотизма в полиэтничном регионе. Методология исследования сочетает количественные и качественные методы. Теоретическая рамка интегрирует этнографический метод, подходы memory studies и устной истории, фокусируясь на «истории снизу». Понимание малой родины у жителей Чукотки тесно связано с местом рождения, семьей и природой. Патриотизм трактуется через призму

традиционных ценностей, таких как, защита земли, родственные узы, готовность к самопожертвованию. Так, в чукотской традиции патриотизм может осмысляться через понятия кровной солидарности. В исторической памяти о Великой Отечественной войне раскрывается вклад коренных народов Чукотки в Победу (добровольцы на фронте; строительство аэродромов трассы АлСиб в Марково и Уэлькале; тыловая поддержка – поставки пушнины, оленины, рыбной продукции, морзверя, меховой одежды, сбор денежных средств, покупка облигаций, безвозмездный труд).

Анализируются возможные причины видимого дисбаланса участия коренных малочисленных народов Чукотки и некоренного населения («приезжих») в специальной военной операции. Оно осмысливается коренными жителями как продолжение традиции памяти о Великой Отечественной войне и связано с добровольным выбором, социальной потребностью, менталитетом воина-охотника, выраженного в привычке к риску, с фатализмом.

Исследование показало, что патриотизм народов Чукотки носит убежденный характер и базируется на синтезе этнических традиций защиты «своей земли», советского наследия Великой Отечественной войны и современной гражданской солидарности. 86,2% респондентов идентифицируют себя как патриоты России. Патриотизм проявляется преемственностью героизма (Великая Отечественная война – специальная военная операция), солидарностью перед внешними угрозами и глубокой связью с территорией.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Чукотки, этнокультурные особенности, идентичность, историческая память, патриотизм, родина, герои, Великая Отечественная война, специальная военная операция

Введение

В текущей ситуации усиления геополитической конфликтности и беспрецедентного давления на Российскую Федерацию со стороны «коллективного Запада», проведения специальной военной операции (СВО), исследования современных интерпретаций патриотизма, понятий «Родина» и «герой» среди различных этнических групп (включая коренные малочисленные народы Чукотки) приобретают особую значимость. В этом плане значимо и осмысление событий Великой Отечественной войны, роли коренных народов в достижении общей победы над нацизмом.

Цель статьи – выявить этнокультурную специфику понимания патриотизма и понятий «родина» / «герой» у коренных малочисленных народов Чукотки в контексте исторической памяти о Великой Отечественной войне и современных геополитических вызовов.

Смысловое содержание категории патриотизма составляет идея любви к своей земле, своей истории и гордость за свой народ. В современном мире понятие патриотизма, изначально предполагавшее привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям своей общины и этноса, приобрело широкий политический смысл, связанный с самоидентификацией человека с гражданской нацией, государством, Отечеством. При этом сохраняются и более ранние его разновидности – общинный, этнический и т. д., что в условиях современной России с ее историческим наследием, федеративным устройством и этнокультурным разнообразием диктует необходимость

учета и соединения в идее общегражданского патриотизма его региональных и этнических измерений. Авторы разделяют подход, что патриотизм является консолидирующей идейной основой гражданской (национальной) идентичности, которая формируется (должна формироваться) не в ущерб и не взамен, а поверх этнической, религиозной, региональной и иных форм социально-групповых идентичностей человека [1, с. 134].

В последнее время публикуются работы, в которых ученые поднимают проблему патриотизма в историческом контексте. Например, как в зависимости от смены политического режима, общественного строя и государственной идеологии менял свои формы и установки государственный патриотизм и противостоящие ему формы «не-патриотизма» [4] (космополитизм и т. п.). Социологами разрабатываются и предлагаются системы оценки уровня патриотизма на основе проективных вопросов, позволяющих типологизировать патриотизм респондентов, выделяя, в частности, прагматичный и реальный [14, с. 163]. Анализируются также современные теоретические подходы к проблеме соотношения этнической принадлежности и патриотических чувств, содержательное наполнение этнического дискурса патриотизма в регионах России [6, с. 71–72, 77]. Исследуются региональные, этнонациональные особенности в вопросах патриотического воспитания. На конкретных примерах демонстрируются практики информационной подачи и обсуждения проблемы патриотизма [25, с. 51–58]. Рассматриваются изменения в системе патриотических установок и гражданских смыслов патриотизма в контексте СВО [16, с. 24–34; 15, с. 65–81], также и другие аспекты сохранения и развития патриотической составляющей массового сознания.

Методологические основания исследования

В нашем исследовании используется методология, сочетающая количественные и качественные методы. Смешанный подход обеспечивает полноту и достоверность данных, полученных в результате массового опроса и глубинных полуструктурированных интервью.

Теоретически работа интегрирована в поле *memory studies*, исследующих историческую память как социально конструируемый образ прошлого [2; 3; 20; 23].

В исследовании используется методология устной истории, где ключевыми источниками служат интервью с участниками и очевидцами Великой Отечественной войны и СВО. Ее принцип – изучение «истории снизу» (мнения рядовых участников) и «истории изнутри» (личный опыт), фокусируясь на человеке и социуме, а не на государстве [24, с. 16].

Для связи индивидуального опыта с официальным нарративом используются т.н. эго-документы (опубликованные воспоминания и интервью). в основе исследования лежат принципы историзма, объективности, системности и источниковедческий анализ (критика и интерпретация источников).

Качественные методы (глубинные интервью) направлены на раскрытие уникальных культурных смыслов понятий «малая родина», героизма и патриотизма у представителей коренных народов Чукотки¹. В 2023–2025 гг. авторами было проведено 22 глубинных полуструктурированных интервью с жителями сел Ваеги, Уэлен, Провидение, Ламутское, Марково, Уэлькаль, городов Анадырь и Певек. Собеседники (включая общественников, волонтеров, участников/ветеранов СВО и их родственников) рассуждали о соотношении «малой» и «большой» родины и своем понимании патриотизма. Эти материалы, часто эмоционально окрашенные, дают глубокие личностные оценки происходящих событий, общественно-политической повестки и ценностных приоритетов, существенно дополняя количественные данные. Отдельным ценным источником послужили воспоминания жителей Чукотки о Великой Отечественной войне.

Количественные методы (массовый опрос) позволили выявить вариативность представлений о патриотизме, идентичности и политической ситуации среди разных групп населения Чукотки. В марте – мае 2024 г. был проведен опрос в г. Анадырь, п. Угольные Копи, с. Ваеги и с. Канчалан, в результате которого собрали 370 анкет. Выборка репрезентативна по полу (49,2% мужчин, 50,8% женщин), возрасту (основные группы: 23–34 г. – 22,2%; 35–44 г. – 24,6%; 45–54 г. – 20,3%) и типу поселения. Среди указавших национальность преобладали русские (39,5%) и чукчи (30,3%). Также в опросе приняли участие ламуты (3,2%), чуванцы (3%), эскимосы (3%), эвены (2,4%); украинцы (1,9%), юкагиры (1,1%) и др. народы. Более 44% респондентов имели высшее образование.

Самоидентификация в условиях вызовов

Несмотря на сложную демографическую ситуацию и миграционный отток, жители Чукотки демонстрируют устойчивую и многоуровневую модель идентичности. Она выстраивается на глубокой личной связи с малой родиной, органично вписывается в региональное самосознание и в общегражданский патриотизм.

Социальные изменения и идентичность

В Чукотском автономном округе проживают представители свыше 90 национальностей. Из 47,5 тыс. жителей Чукотки 25,5 тыс. – русские. На втором месте по численности чукчи – 13,2 тыс. чел. На третьем месте украинцы – 1,5 тыс. чел. В общей численности населения округа 17 тыс. чел. – коренные малочисленные народы Чукотки (КМНЧ)².

¹ В регионе представители семи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, исторически проживающих в ЧАО – чукчи, кереки, эскимосы, эвены, чуванцы, коряки, юкагиры.

² Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Чукотский автономный округ [электронный ресурс]. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095> (дата обращения: 01.04.2025).

Численность населения ежегодно снижается (-126 чел. в 2024 г.), миграционная убыль в 2024 г. составила -242 чел. (внутри России -324 чел., международная миграция дала +82 чел.)¹.

Согласно результатам опроса, уроженцами того места, где сейчас живут, являются 46,2%, не являются 53,8% респондентов. При этом регулярно ездят в другие регионы страны, либо проживали в другом регионе ранее 53,5% респондентов.

Доля городского населения – 69,7% (33,3 тыс. чел.), сельского – 30,3% (14,5 тыс. чел.), число сельчан неуклонно снижается². В национальных селах ЧАО проживает преимущественно до 90–95% представителей коренного населения. Идет непрерывный процесс увеличения числа КМНЧ в общей численности городского населения [13, с. 62].

Происходит отток приезжего и коренного населения из сел в города и поселки (особенно в Анадырь), а также в другие регионы России. Основные причины оттока из сел: нехватка рабочих мест, низкие зарплаты, изолированность, нежелание молодежи работать в традиционных отраслях и низкое качество жизни. 35,1% опрошенных хотели бы уехать из своего населенного пункта (82% – в другие регионы РФ, 3,7% – за рубеж), при этом 44% довольны местом проживания.

Чукотский АО характеризуется высокими рейтингами по ряду номинальных показателей экономического развития региона. Часто исследователи акцентируют внимание на высоком уровне жизни населения округа, указывая на высокие заработные платы, расширенный стандарт потребления [8, с. 548].

В регионе один из самых низких уровней зарегистрированной безработицы, но удовлетворены работой лишь 41,1% опрошенных. В рейтинге регионов РФ (РИА Рейтинг-2024) Чукотка заняла 66-е место (по качеству жизни – 74-е)³. Уверены в будущем и удовлетворены качеством жизни менее половины респондентов (41,1 и 42,2% соответственно). При этом 76,8% удовлетворены отношениями с близкими.

Всероссийская перепись населения 2020 показала, что для жителей Чукотки этническая идентичность имеет существенное значение. Подавляющее большинство граждан указывали свою национальную принадлежность.

Согласно полученным данным, 62,2% респондентов никогда не забывают о своей национальности, 60% считают необходимым ощущать себя частью этнической группы. Подавляющее большинство (82,4%) положительно оценивают межнациональные отношения. Гражданская идентичность важна для 64,9%, региональная (осознание себя жителем ЧАО) –

¹ Общие итоги миграции населения Чукотского автономного округа за 2024 год [электронный ресурс] // URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 08.04.2025).

² Оценка численности населения Чукотского автономного округа на 1 января 2025 года по муниципальным образованиям [электронный ресурс]. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 08.04.2025).

³ Итоговый рейтинг регионов РФ – 2024 // РИА Новости. 2024. 12.04. URL: <https://riarating.ru/infografika/20241223/630274686.html> (дата обращения: 10.02.2025).

для 45,7%, этническая принадлежность – для 42,4% респондентов. Абсолютное большинство опрошенных (>90%) считают Россию особой цивилизацией с позитивным будущим.

Понимание родины

Большинство участников массового опроса (67,3%) к понятию «родина» относят страну. Большинство ответов на вопрос о том, что считают для себя малой родиной, содержат понятия конкретного места рождения, например: «место, где общий дом»; «там, где родился»; «где вырос человек и его близкие»; «регион, в котором родился»; «место, где родился, место предков»; «где живешь»; «дом, семья, родственники»; «родной регион»; «где вырос и живешь»; «край, регион»; «родной дом»; «дом, где родился»; «там, где вырос»; «регион, где родился и живешь»; «мой город»; «мой край»; «семья»; «маленькая страна»; «где живу с близкими»; «район». При этом понимание большой родины связано с семьей, родственниками, государством, страной: «где моя родня»; «где проживают друзья»; «где является гражданином страны»; «государство, в котором живешь»; «история, государство, народ»; «необъятная любимая страна»; «Советский Союз, ныне РФ».

Собранные в ходе работы материалы дают основания утверждать, что для жителей Чукотки понятие «малой родины» имеет существенное значение, всегда ассоциируется с местом рождения, окружающими людьми (родственниками), часто с местом проживания, природой и культурой. При этом практически все респонденты отмечали эмоциональную привязанность и тоску по отношению к малой родине. Люди старшего поколения испытывают желание вернуться на малую родину и даже остаться там жить после выхода на пенсию.

«Родина... Ну большая калитка там какая-то. Из песенки. Ну, вот сразу вспоминаются эти старые советские песни. Ну, это большая страна наша и в ней маленькая родина, все в купе. Все, за что я готова отдать всю себя, свое время, если она скажет» (ж., 65, Уэлен);

«Родина – где ты родился и страна твоя, где ты вырос. Россия. Мне нравится на Чукотке. Ну, во-первых, это люди, отношения людей, то есть люди совсем другие, чем где-нибудь в больших городах. Они более честные, никто не так уж пытается тебя на каждом шагу обмануть, нагреть... Что это такое? Место, люди, язык... Вот город, поселок, где ты живешь, это начало твоей родины. Для меня это поселок Провидения. А заканчивается Россией» (м., 34, Провидения);

«Моя малая родина для меня – Певек, город. Россия и Чукотка – моя родина по факту, и даже не то, что вот Россия, а вот конкретно Чукотка. Родина – это территория, природа, наверное, даже люди, к которым ты привык...» (ж., 30, Певек);

«Родина – место нахождения, место жительства, знакомые, коллеги с кем общаюсь. Если не задумываться, то, как бы большая родина – это страна, город, скорее страна, в которой я нахожусь, в которой я живу

и соблюдаю законы и порядки страны. Малая родина – это уже конкретно дом, может быть квартал, в котором я обитаю, в котором я живу» (м., 34, Уэлен);

«В глобальном смысле для меня родина – это Россия, страна в которой я живу и родился. Родина это для меня Чукотка, прежде всего. Место, где родной ландшафт, родные люди, и, прежде всего, родина это для меня связь с землей, с памятью предков. Предки твои жили на этой земле, и ты ощущаешь с ними связь, вот она. Вот, это место, где ты родился, вырос, воспитывался, знал людей. Родину можно сравнить с русской матрешкой. Посмотрим самую маленькую матрешку, она связана с селом Ламутское. Я там вот родился. Потом идет территория моих предков, моего народонаселения, включая и чукчей тоже, как часть своего народа. И потом уже идет географическое представление родины, это Чукотка, по отношению к другим регионам России. И наконец, самая большая матрешка – это Российская Федерация, Россия, я ощущаю себя частью...» (м., 51, Ламутское);

«При слове «родина» я про Ваеги думаю сначала. Наверное, все-таки когда-то мы туда уедем. А наша общая родина – Россия великая. Это наша настоящая Родина. Я против американцев (правительство), против Евросоюза. Мы же, народы России, никому не мешаем жить, а они все нападают. А я думаю, что мы горой за свою Родину будем стоять, и дети наши горой будут стоять. Я детям с малых лет про родину говорил. Сейчас они говорят, что если младшего на войну возьмут, то и мы все с ним пойдём» (м., 60, Ваеги).

Анализ интервью о понятии «родина» демонстрирует многоуровневость идентичности жителей Чукотки. Четко прослеживается иерархия: малая родина (родное село, поселок, город, дом), региональная родина (Чукотка), большая родина (Россия, СССР). Ключевыми составляющими родины являются место рождения и детства (фундаментальный критерий для большинства собеседников); люди (знакомые, близкие, семья) и особые отношения с ними (честность, взаимопомощь, коллективная солидарность, готовность помочь «своим»; природа и ландшафт (родные реки, горы, лес, тундра); культура и история (национальная культура, связь с предками, историческая память народа, ощущение преемственности, общая история России как основа связи с большой родиной); субъективное чувство («состояние»).

Патриотизм

Для коренных жителей Чукотки понятия «малая родина», «своя земля», «родственные узы», «семья», «дом» во все времена занимали важное место в системе традиционных ценностей. Коллективная память сохраняет легендарные сюжеты о бесстрашных чукчах-воинах, непревзойденных ламутских охотниках тундры и эскимосских морских зверобоях. Темы, затрагивающие отношение коренных жителей к воспитанию физиче-

ской силы и силы духа, к борьбе за выживание, войнам, смерти довольно часто становились предметом интереса ученых [22, с. 103; 10, с. 105; 5, с. 18; 19, с. 18].

Наши собеседники отмечали, что в прошлом чукчи по-своему понимали патриотизм. У них не было единого слова или термина для обозначения этого чувства. Однако они имели глубокие представления о своем роде, за который в случае необходимости были готовы проливать кровь. В. Г. Богораз зафиксировал распространенный термин для обозначения семейной группы – *чинъырдын*, что означает «группа участников кровной мести» [5, с. 94]. В настоящее время в селах Ваеги и Хатырка Анадырского района жители используют слово *чин-юрыкин*, которое имеет тот же смысл, но переводится как «ближний (человек), за которого можно ловить, бить, охотиться, скрадывать, убить».

В современной жизни коренных малочисленных народов Чукотки мы также видим привязанность к родному краю, выраженную потребность в осознании себя частью своего народа, а также неравнодушие и сопричастность к политическим событиям, происходящим в стране и в мире. Так, патриотами России считают себя 86,2%, патриотами Чукотки – 69,7% опрошенных жителей.

Чаще всего в комментариях о событиях в истории России, которые вызывают у респондентов чувство гордости за страну, отмечены Победа в Великой Отечественной войне, первый полет человека в космос, возвращение Крыма, СВО. Более половины респондентов отметили, что гордятся и испытывают уважение к событиям и процессам советского и современного периодов истории страны.

Результаты опроса демонстрируют высокий уровень значимости общероссийской и этнической идентичности для жителей Чукотки, а также значение региональной принадлежности и малой родины. Язык, культура, историческое прошлое, родная земля и природа, ответственность за судьбу страны являются главными объединительными началами для жителей региона. Подавляющее большинство опрошенных считают себя патриотами Чукотки и России.

Рассуждая о понятиях «патриот», «патриотизм», собеседники практически всегда говорили о родной земле, семье, родственниках, традиционных занятиях, о родине и готовности ее защищать. Мы не задавали прямых вопросов о конфликте на Украине и СВО, но разговор рано или поздно переходил именно к этой проблематике, что говорит о вовлеченности жителей Чукотки в события, происходящие в стране и мире. Общественники, приезжающие на Чукотку, отмечают высокий уровень консолидации людей, неравнодушие к инициативам по сбору средств, участию в волонтерской деятельности (плетение маскировочных сетей, формирование и доставка гуманитарных грузов, проведение мероприятий в учреждениях и т. п.). Практически все респонденты едины во мнении, что необходимо принимать меры по повышению уровня патриотического воспитания среди подростков и молодежи, делать это системно и на постоянной основе.

Великая Победа в памяти коренных жителей Чукотки

Тема памяти о Великой Отечественной войне для коренных жителей Чукотки имеет глубокое историческое, культурное и социальное значение.

Несмотря на географическую удаленность Чукотки от основных фронтов, ее жители внесли значительный вклад в общую победу. Коренные малочисленные народы Чукотки были освобождены от мобилизации в годы ВОВ. При этом многие добровольно вступали в ряды Красной Армии.

Картина участия Чукотки в ВОВ складывается из множества источников: личных воспоминаний ветеранов и тружеников тыла, рассказов их семей, а также материалов исторических публикаций, посвященных этому периоду. Истории о бесстрашных летчиках, снайперах; о ежедневных подвигах простых людей – охотников, оленеводов, мастериц, жителей, занятых на работах по строительству военных аэродромов, в добывающей промышленности, стали основой для формирования исторической памяти о ВОВ в мирное время и воспитания патриотизма у последующих поколений жителей Чукотки.

Чукотский писатель Ю. Рытхэу точно описал понимание войны коренными жителями, которое выражалось во всеобщем единстве перед лицом угрозы, поддержке фронта, усилении национальной и гражданской идентичности: «Вдруг потрясающая новость – началась война! Она шла очень далеко от мыса Дежнева, но люди всей советской страны уже жили одной семьей, и боль далеких сородичей отзывалась сочувствием и болью в сердцах эскимосов и чукчей Берингова пролива. На осеннем празднестве Нутетеин пел гневные песни и сравнивал фашизм со зловонным грязным потоком, а Гитлера с волком, вскормленным ненавистью к человеку... И когда пришла весть о победе над фашистской Германией, радости людей не было границ. Это была их победа, победа их большой и сильной страны»¹.

В исторических хрониках Чукотки в годы ВОВ содержатся сведения об ушедших на фронт коренных жителях. Среди них резчик и гравер Михаил Вуквол, моряки-зверобои Кергинто (писал родным, что стреляет фашистов, как нерпу), Кальскатегин (снайпер, первый чукча – кавалер ордена Красной Звезды), Акосек, охотник-промысловик Анатолий Тыны, Тимофей Елков (летчик штурмового авиационного полка) [12, с. 116–121].

М. Вуквол писал родным с фронта: «Фашисты прут напролом, а мы бьем их, гадов. Спать почти не приходится. А как засну ненадолго – Уэлен наш вижу во сне. Только подумать, как он далеко теперь! Как человек привыкает к своей родине! Потом всю жизнь ничто не в состоянии заменить ее... Чукотка, Россия! Как это звучит для меня!» [12, с. 121].

Известно, что из пяти жителей села Уэлькаль, воевавших на фронте, вернулся Николай Кипутка. Семен Нупатагин погиб, Сугрулик, Люнля и Экетегин пропали без вести [21, с. 92].

¹ Рытхэу Ю. Песни Берингова пролива. Нас разделяет океан. Социализм и капитализм в судьбах малых народов Севера. Главы из книг, очерки, репортажи, сообщения советских и зарубежных писателей и журналистов. Магадан: Кн. изд-во, 1969. С. 65.

«У нас пятеро ушли с Уэлькаля на фронт. Они добровольцами ушли, и мы предполагаем, что это связано с трассой АлСиб, что была возможность самолетами просто перелетать. И даже им всем – коренным жителям, отказывали в мобилизации, государство рассчитывало на помощь внутри Чукотки, то есть оставались охотники, морзвероби, рыбаки и это все было связано с обеспечением продовольствием фронта. Возможно и то, что они являлись представителями малых народов» (ж., 72, Уэлькаль).

В годы войны жители Чукотки совершили трудовой подвиг, участвуя в строительстве военной трассы АлСиб (в селах Марково, Уэлькаль, Танюер). В воспоминаниях о строительстве аэродрома в Маркове говорится, что участвовало почти все население поселка. Секретарь сельсовета чуванец Д. П. Дьячков раскорчевывал лес, нашел дорогу, по которой своим ходом по тундре трактора пришли в аэропорт, доставлял в Марково на собачьей упряжке бензин [11, с. 247].

Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. П. Мазурук вспоминал, что «...возле маленького поселка Марково, приютившегося в тундре около реки Анадырь, пришлось вырубить под аэропорт кустарник, выкорчевывать пни, занять огороды местных жителей. Вместе с небольшой группой строителей все население, даже школьники, на носилках таскали на полосу глинистый грунт с реки и утрамбовывали его. В мирное время по существовавшим в авиации нормативам потребовалось бы 4–5 лет на такое строительство, а тогда на трассе основное и первоочередное сделали за 10 месяцев. Перегон боевых самолетов с Аляски начался 29 сентября 1942 года...» [7, с. 182].

Жительница с. Уэлькаль вспоминала: *«Бабушка рассказывала, что многие молодые ребята, в том числе и ее сын Аяутка Николай, он уже был шестнадцатилетним, работали на аэродроме, куда их взяли там они и работали, но в основном они строили аэродром вместе со всеми строителями. И действительно видно результат той работы молодых людей и подростков, так как они были награждены медалями за доблестный труд во время ВОВ. У нас в Уэлькале было награждено 25 человек, было бы больше, но во время эпидемии, случившейся в 1940 годах – кори, гриппа, очень много умерло, около 65 человек, в основном мужчины, с 1941 по 1945» (ж., 72, Уэлькаль).*

Весомый вклад в приближение Победы внесли жители Чукотки – оленеводы, морзвероби, охотники, рыбаки, мастерицы. «...Когда жители нашего стойбища узнали, что железо «Пыркакая»¹ нужно для того, чтобы из него больше пуль делали и били этими путями немецких фашистов, мы подумали все вместе и решили помогать прииску, и вот прислали 500 оленей на мясо. Пусть кушают люди мясо и пусть больше белого металла добывают», – вспоминал оленевод Росхитагин.

¹ «Пыркакай» – прииск Пыркакай, открытый в 1941 г. на базе разведанных россыпей олова, позднее переименованный в Красноармейский.

Самоотверженный труд отличал и чукотских рыбаков, чья продукция поступала на рыбоперерабатывающие комбинаты, отправлявшие рыбные консервы бойцам Красной Армии. Сверхплановая продукция Анадырского рыбокомбината в 1942 г. составила 5,5 млн руб.

Охотники перевыполняли план по добыче пушнины: в 1943 г. они добыли 72 тыс. белок, что было в два раза больше, чем в 1940 г. В 1945 г. добыча белого песца составила 7700 хвостов – в два раза больше показателей 1941 года. Увеличилась добыча лисиц и горностаев [7, с. 181–182].

В публикациях военного времени особо отмечалась помощь женщин: «... 760 пар добротных, теплых унтов отправили на фронт женщины-чукчанки только из одного Анадырского района. За время Великой Отечественной войны в дар Красной Армии и для населения, пострадавшего от фашистских захватчиков, женщины-чукчанки сшили 47500 предметов одежды из теплого меха и собрали 5055 метров мануфактуры. Многие девушки-чукчанки превзошли в охоте на зверя лучших мужчин-охотников, добыв тысячи шкур песца, горноста, соболя. ... Весом в общее дело был вклад и рыбаков Чукотки [7, с. 183–184].

Для Чукотки жизненно важным являлось самообеспечение, так как в годы войны значительно сократились поставки продовольствия в округ. В некоторых хозяйствах выращивали картофель, капусту и другие овощи.

«Коренное население полностью было сосредоточено на помощи фронту. Охотники – пять бригад на тот момент в селе Уэлькаль, в каждой бригаде было по шесть человек – вот они добывали морзверя в течение сезона. В летний сезон добывали моржей, лахтаков, нерп, зимой могли нерп добывать. И все, вот написано, направлялось даже на фронт, мясо в том числе. Недавно Светлана Александровна Тагъек при разговоре говорит: «Я когда-то случайно встретила на материке с женщиной, которая в годы войны была в сложных условиях, когда не было питания. Она говорит: «Знаете, что нас спасло? Мясо морзверя!». Поэтому, как отправлялось туда это мясо морзверя, мне не представляется, может Северным морским путем. Плюс, оленеводы были. Прибыли к нам несколько бригад в Уэлькаль и занимались оленеводством, то есть тоже поставляли мясо для фронта...» (ж., 72, Уэлькаль).

На Чукотке собирали деньги на постройку танковой колонны «Чукотский колхозник», звена самолетов «Советская Чукотка», авиаэскадрилий «Камчатка – фронту», «Хабаровский комсомол», танка им. ВЛКСМ, авиаэскадрильи «Советский полярник», самолета «Полярник бухты Угольной» и т. д. В Фонд обороны сдавали деньги, облигации займа, теплые вещи: за годы войны Чукотка собрала 15 млн 920 тыс. 233 руб., облигаций – на сумму 8 млн руб., передала 12 тыс. 421 оленя, 31 тыс. 516 теплых вещей для фронта и 8 тыс. 759 – для пострадавшего населения [7, с. 183–184; 11, с. 258, 259].

Сохранились воспоминания о вкладе жителей сел Наукан, Уэлен, Айон, Нешкан победу: «А женщины наши шили из кожи и меха торбаса, кухлянки, шапки, рукавицы, штаны нерпичьи. Шкуру морского

животного выдывали, а ветер и снег помогали ее отбелить. Нерпичья шкура после обработки и выдержки на морозе называется мандарка. Моя старшая сестра Эмун была такая мастерица, я все возле нее сидела и смотрела, как она шьет. У нее всему училась. Тапочки красивые сошью и в магазин несую, чтобы продать. Они стоили тогда всего 3 рубля. А в школу я пошла, когда шла война – Великая Отечественная война против фашистов. Мы помогали фронтовикам, хоть и были детьми. Урок математики или, к примеру, русского языка отменяли, и мы начинали шить. Тогда тканей не было, а американцы привозили муку в холщовых мешках. Женщины тщательно вытряхивали остатки муки, прямо сами белые становились от мучной пыли. Потом эту мешковину стирали, кроили, а мы шили камлейки. Закройщицами были Ёйнуеун, Ёэмэя, Эмун. Хорошие белые камлейки из этой мешковины у нас получались. На снегу бойца не видно. Наверно, это были маскхалаты. Еще рукавицы мы шили. Потом все готовое на карты погрузят и отвезут сначала в Уэлен, потом в Провидения, Анадырь и дальше – на фронт» [18, с. 70].

«... Было это в далекие годы Великой Отечественной войны. Охотники на пушного и морского зверя добывали много пушнины, женщины вытапливали жир морского зверя, шили теплую одежду для защитников Отчизны, и все сдавали в Фонд обороны. Тогда в колхозе «Ленинский путь» охотники уезжали зимой на определенный период времени на охотничьи участки, расположенные далеко от родного селения. Они жили в тундре в избушках, отапливая их жирниками и плавником. Мужчины посменно уходили в тундру, через пятнадцать дней возвращались с добычей, их сменяла другая группа охотников... Ценой собственной жизни чукотские охотники на трудовом фронте приближали нашу общую Победу» [26, с. 77–79].

«Началась война. В Уэлен не доходил грохот артиллерийских орудий и разрывов бомб, страшный скрежет и лязг гусениц танков, но Вуквутагин думал, что сейчас не время резать из кости фигурки моржей и нерпушек, гравировать и украшать рисунками моржовый клык: этим не поможешь фронту. Нужны настоящие вещи: пушнина, шкуры, обувь, одежда и деньги...

В эти грозные годы Вуквутагин почти перестал заниматься резьбой и вместе с колхозниками промышляет моржей, нерп и лахтаков. И лишь когда задувала пурга или подымался сильный шторм и выйти в море было невозможно, он брался за древнее чукотское гаттэ (тесло) и давал рукам привычное, любимое дело. Уэленцы, как и весь наш народ, тяжело переживали беду, которая неожиданно свалилась на плечи советских людей. Когда наступил перелом, и Советская Армия вышибла фашистов со своей территории, все почувствовали близкую победу» [17, с. 178].

«В годы войны все население Чукотки руководствовалось девизом «Все для фронта, все для Победы!». Айонцы тоже не остались в стороне. Они активно участвовали во всех передовых начинаниях: направляли личные денежные сбережения в Фонд обороны СССР, передавали личное

поголовье оленей в колхозы; девушки осваивали профессию охотника и выгодно соперничали при этом с мужчинами. Все это дало возможность значительно увеличить объемы заготовки пушнины – важнейшего источника валютных поступлений на нужды обороны, а также оленины» [9, с. 17].

«Во время войны в Чукотском районе все жили единым стремлением помочь всем, чем можно, своей стране, фронту, чтобы как можно скорее приблизить победу. Под непосредственным руководством председателя Нешканского сельсовета Тототто колхозники план по добыче моржа и вылову рыбы выполняли на 200–300 процентов» [12, с. 116].

После войны ветераны из числа коренных жителей Чукотки стали хранителями памяти, передавая ее молодежи. Их вклад в Победу служит примером единства многонационального СССР. Деятельность коренных народов в тылу, на фронте и в сохранении культурного наследия подчеркивает, что даже самые отдаленные уголки страны были вовлечены в общее сопротивление врагу.

Во Великой Отечественной войны патриотизм населения выражался в защите своей конкретной земли как части большой Родины – СССР. В современных условиях участие коренных жителей в СВО также мотивировано идеей защиты Родины, понимаемой как целостность и безопасность страны, частью которой является их родная Чукотка.

Участники СВО и их семьи видят прямую аналогию между событиями прошлого и настоящего. Участие в СВО воспринимается, как возможность продолжить традицию героизма фронтовиков и тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны, вписать свои имена в историю народа.

СВО в восприятии коренных жителей Чукотки

Специальная военная операция на Украине стала для жителей региона вехой, наполненной трагизмом, патриотизмом и героизмом одновременно, так как многие мужчины – представители коренных малочисленных народов Чукотки пошли выполнять свой гражданский долг в рамках частичной мобилизации и по большей части в качестве добровольцев. За время военных действий героически погибли десятки земляков.

Среди жителей ведется дискуссия о степени участия разных групп населения (в том числе этнических) в мероприятиях, связанных с СВО. Распространено мнение о том, что из округа уходят воевать в основном представители коренных малочисленных народов Чукотки, что «русские» и приезжие не проявляют инициативы в этом вопросе.

Для примера приведем несколько фрагментов из интервью, в которых собеседники объясняют, почему их знакомые, друзья, родственники или они сами уходят служить.

«В течение столетий чукчи упорно отстаивали свою землю. При столкновении с чужеплеменниками весь народ остро чувствовал свою солидарность. Возможно, по этой причине, в течение более 2 лет мы наблюдаем, что люди коренной национальности добровольно подписывают контракт с Министерством обороны. Почему так происходило? На наш взгляд, это было связано с тем, что люди все еще жили в рамках древних мифологических представлений, подобных скандинавским или древнегреческим. В этих мифах воспевались сила, мужество, презрение к смерти и героическая смерть в бою. Эти представления поддерживались советской идеологией, которая традиционно была особенно актуальна на окраинах России, еще не затронутых западническими влияниями... Возможно, что годы, проведенные в мире, сделали чукотских мужчин инфантильными. У них пропал интерес к жизни, они начали пить, а многие оленеводы и морские охотники остались без работы. Поэтому, когда началась война, эти люди вспомнили о былых подвигах предков и, несмотря на проблемы со здоровьем, возрастом стремятся ощутить вкус жизни через бой и смерть» (м., 61, Ваеги).

«СВО, я считаю, поменяло самым радикальным образом, и очень положительно. Эти жертвы нужны, война была неизбежна. Во время войны происходит отсечение гнилого, паразитического и в момент опасности, когда Отечеству происходит угроза, люди сплываются. Те, которые больше всего думают о себе, о собственном благополучии: «Благополучие моей семьи превыше всего», эти люди сваливают и прячутся – больше мотивированы материальным благом. На Чукотке это, кстати, очень хорошо видно и проявляется. Ми гытагын [т. е. русские, приезжие, чужаки] в большей части они такие, а вот те русские, которые здесь родились, долго прожили, они более патриотичны. Их дети и они сами участвуют наравне с нашими. А вот которые только приехали, у них другая мотивация: «Какая там Родина, у меня вот – заработать». Голодранец приехал, ему надо на квартиру и все прочее, детям образование – тоже надо. «Меня там убьют, искалечат, Родина сунет пенсию в зубы и все, сиди!». Он так думает. А которые пошли, иная мотивация, они эти ценности ставят выше своей жизни. Потому что непереносимость стыда» (м., 53, Анадырь).

«Коренных, конечно, их намного больше уходит [на СВО]. Я не связываю это с призывом, имею в виду добровольцев, мотивированных людей. Большинство – это местные, коренные, можно включить и русских людей, которые тут родились, это тоже часть нового чукотского народа. Они ушли, чем мотивированные? Во-первых, нужно обратить внимание, что из-за тяжелой ситуации экономической, социальной, долгое время живут в поселках, поселки разрушаются, люди бедно живут. Конечно, роль играет и материальное, но не превалирующую. Людям нужен смысл жизни, для чего он живет. А когда он уезжает туда, он становится другим, он в глазах [односельчан] становится солдатом, воином. Вот одного я знаю, он тут ходил, как бичара, потом его видел по телевидению в землянке, от дронов скрывались, у него другое лицо.

И, в-третьих, это все-таки менталитет. Всегда коренные люди, в тундре живущие, всегда жили на грани риска. Даже вот оленеводы в бригаде, они каждый день рискуют, просто этого не осознают... Война – та же охота. Еще философское отношение к жизни и смерти, немножко проще, иначе, чем у мигытагын, потому что, ну да, погибнешь ты, что поделатъ» (м., 53, Ламутское).

«Да, все они герои, конечно. Не остановились, не поменяли своего решения. Здесь много коренных жителей. Я бы не сказал, что там большинство коренных. Конечно, там много с поселков молодых, потому что, ну чем там заняться? Или как говорят: «Спиться под забором, а тут я реально пойду за Родину». Это его выбор...» (м., 42, Анадырь).

«По мобилизации в ряды воинов попали много наших близких и родственники. Бытует мнение, что на войну идут «за деньгами». Но он [Витя] говорил, что если погибнет, то это судьба. И он еще говорил, что и на гражданке может погибнуть, например, от алкоголя. Говорил, что лучше погибнуть на СВО... Он пошел воевать за Родину, за братьев...» (ж., 43, Ваеги).

«У нас погибло после начала СВО двое уэлькальцев. Маленький поселочек, но до 10 человек воюют. Все уходят добровольцами, но вот сказать их причины я не смогу, что ими движет.... Я не могу сказать, что ими движут, в первую очередь, материальные блага. Скорее всего, их побудило желание за Родину постоять, потому что где бы мы не находились, мы знаем, что наша Родина – это Россия» (ж., 72, Уэлькаль).

«Я считаю, что чукотский народ вымирает, это неизбежно, он растворяется, ассимилируется. Народ обречен, в этом ничего трагического нет. Сколько народов просто растворится и все. Поэтому про наших ребят, которые уходят, я считаю, это последний поход чукотского народа на войну, это последняя его война, героическая... Мы же все, вымираем, растворяемся. Как говорится, Боженька дал чукотскому народу, прежде чем уйти в небытие, последний бой, последний поход. Благодаря этим ребятам чукотский народ останется не в анекдотах, а будет восприниматься как героический народ. Там же на СВО, кто с ними сражается, видят, что это не вот эти анекдотичные, а настоящие бойцы, люди хорошие» (м., 51, Анадырь).

«Какой-то фатализм в этом есть. Это ген воинов, ген охотников. И сама культура такая у людей, даже немного модернизированная, мотивирует на это людей. Им легче идти, всем, эвенам, русским... Я с одной стороны, согласен, что нужно ввести ограничения, особенно для молодежи. А если люди уже в возрасте, если он добровольцем идет, не думаю, что этим людям нужно запрещать» (м., 51, Ламутское).

«... Ну как, я не знаю, как это объяснить, прям, взял флаг России и побежал с этим флагом. Нет, понятно, что мы за свою страну, это конечно, мы не просто так поехали деньги заработать, мы не за этим ехали, не за наградами ехали. Мы ехали защищать, свой долг, Россию, Родину нашу. В стороне быть не собирались.... Как любил я Родину, так и люблю. Быстрее бы это все закончилось. Родина она есть Родина, куда она туда и я» (м., 53, Анадырь).

Особенно много добровольцев из национальных сел. Так, например, из села Ваеги Анадырского района, в котором на данный момент проживают 235 чел. на СВО ушли 26 чел. (в их число включены и те, кто считает себя ваежцем, но уже фактически не проживает в селе), 9 из них погибли. В самом малочисленном чукотском селе Краснено (77 чел.) из одной семьи участвуют в СВО четверо мужчин – 2 брата, зять и племянник.

Молодые люди уходят на СВО, покидая оленеводческие бригады и территориально-соседские общины морзверобоев, усугубляя тем самым кадровый голод в традиционных отраслях хозяйства. В качестве причин принятых решений добровольцев отметим поиск смысла жизни, переосмысление прошлого личного опыта, месть за погибших близких родственников, бедственное материальное положение и безысходность.

Довольно часто в интервью указывали на то, что желание мужчин – представителей коренных малочисленных народов Чукотки участвовать в СВО определяется национально-культурными особенностями и исторической памятью народа.

Собранные интервью раскрывают комплекс социальных, экономических, культурных и психологических причин, по которым жители Чукотки (как коренные, так и представители некоренных народов) идут добровольно участвовать в СВО. Но хотя все респонденты в целом поддерживали участие своих земляков в СВО, их объяснения сильно разнятся. Практически во всех высказываниях присутствует напряжение между материальными причинами и духовными мотивами. Уход на войну объясняется как пробуждение древнего «воинского кода» чукчей, их исторического опыта отстаивания земли. Это не просто патриотизм, а глубинная солидарность и желание продолжить традицию предков, которые «упорно отстаивали свою землю». Участие в войне становится способом обрести смысл, выходящий за рамки обыденной жизни. В некоторых интервью патриотизм по отношению к России сочетается с глубокой печалью о судьбе собственного (чукотского, эскимосского и пр.) этноса.

Респонденты многократно отмечали тяжелую экономическую ситуацию в поселках округа. Участие в СВО становится альтернативой социальной деградации, алкоголизму и безработице. Часто в интервью подчеркивалось, что жизнь коренных жителей и так постоянно связана с риском и смертью, поэтому участие в СВО для них менее травматично, чем для городского жителя.

Полагаем, что видимый дисбаланс участия коренных малочисленных народов Чукотки и некоренного населения («приезжих») в СВО обусловлен комплексом причин. Добровольный характер участия в СВО объясняется менталитетом воина-охотника, исторической памятью о защите земли, солидарностью перед внешней угрозой, философски иным отношением коренных народов Чукотки к риску, жизни и смерти; кризисом традиционных укладов и социальными проблемами, выраженными в разрушении сел, безработице, бедности, алкоголизме, потере смысла жизни на «гражданке». Участие в СВО дает шанс на социальное возвышение, уважение, новый статус.

Это создает контраст с воспринимаемым меньшим участием и иной мотивацией некоренного, особенно недавно приехавшего, населения. Существует широко распространенное мнение, что на СВО, особенно в качестве добровольцев, идут преимущественно представители коренных малочисленных народов Чукотки, а также давно осевшие «местные русские», в то время как «приезжие» проявляют меньшую инициативу: *«На СВО сейчас те, которые с советских времен, у них воспитание такое было, те русские 50-ти–60-ти лет, которые отсюда шли добровольцами. А почему чукчи? Я думаю, не исключая тот же социальный фактор, когда деньги нужны, пускай, может так. Или с другой стороны, я иногда думаю, может они таким образом хотели мир посмотреть другой? Потому что он в бригаде с детства, один и тот же маршрут, а тут он уезжает в другое место. Может действительно менталитет, фатализм чукотский. То есть, как-то о смерти меньше всего думают... А может это окраина идет добровольцами. Остальная [часть страны], в том числе и Москва – занята своим делом. Сюда тоже много приезжают, которые своим делом заняты. Пускай мы обижаемся: «Вот чиновники понаехали оттуда», а нам же никто не запрещает тоже быть чиновниками, тоже учиться, каким-то образом себя проявлять. Никто не запрещает, но государство вынуждено присылать сюда людей. Кто учился – тот работает. Поэтому и не идут [на СВО]. У них семьи, все сложилось... Добровольчество никто не отменял, особенно по окраинам. Я думаю, что окраины – это сила России, окраины всегда встают несмотря ни на что, ни на какие обиды, они встают за Родину. Это похоже на ВОВ» (м., 61, Анадырь).*

Заключение

Сочетание результатов количественного опроса и интервью позволили с одной стороны, увидеть обобщенный срез (в том числе этнический) общественных настроений, с другой стороны, личные оценки по предложенной проблематике. Представленные материалы демонстрируют, прежде всего, высокий уровень общественного сознания, активную гражданскую позицию жителей региона, понимание важности и ответственности за судьбу малой родины и страны в целом. Для граждан по-прежнему важны принципы социальной справедливости, приоритеты общественных интересов над личными, влияние государства на основные общественные сферы.

Отметим, что для коренных жителей Чукотки весьма высока значимость этнической идентичности, особенно для чуванцев, чукчей, эвенов и юкагиров. Для чуванцев и чукчей очень важна региональная идентичность, для русского населения принадлежность к территории имеет меньшее значение. При этом для всех этнических групп значима гражданская принадлежность.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что система патриотических установок жителей Чукотки с большой долей вероятности может рассматриваться как убежденный вариант патриотизма.

Убежденный патриотизм основывается на сохранении базовых традиционных ценностей, международного авторитета России, уважении к советскому периоду истории страны, к памяти о Великой Отечественной войне, к достижениям в науке, искусстве, культуре [16, с. 28–31]. Патриотизм на Чукотке выражается в простых и конкретных формулировках: «за своих ребят, за брата»; «Родина она есть Родина, куда она, туда и я».

В результате исследования выявлены ключевые смысловые связи между патриотизмом в Великую Отечественную войну и современностью (СВО): Чукотка воспринимается коренными жителями не просто как территория, а как земля предков, источник жизни и часть большой России, соответственно защита России – условие сохранения их малой родины и уклада жизни. Участие как в Великой Отечественной войне, так и в СВО, мотивировано осознанным и добровольным выбором защитника. Современные воины Чукотки ассоциируются обществом как наследники славы и героизма предков в Великой Отечественной войне, воплощающие те же качества мужества, стойкости и мастерства. Патриотизм выражается не только в участии в боевых действиях, но и в масштабной тыловой поддержке (гуманитарная помощь, сбор средств, поддержка семей воинов), продолжающей традиции Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Адиев А. З. Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 133–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: LXXZBO.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: ЯСК, 2004. 355 с.
4. Бакланов В. И. О патриотизме и не-патриотизме в истории России в XIX–XXI вв. // Философия. История. Образование. 2023. № 3(9). EDN: ZDKYKM.
5. Богораз В. Г. Чукчи: Социальная организация. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 216 с.
6. Васильева О. В. Смыслы патриотизма в представлениях коренных малочисленных народов Якутии и Чукотки // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 70–79. DOI: 10.24158/tipor.2023.12.7; EDN: YKVIYW.
7. Во имя народа. История Чукотского автономного округа. Органы государственной власти Чукотки / Ред. А. А. Носков. Анадырь: Дума ЧАО, 2012. 615 с.

8. Гальцева Н. В., Фавстрицкая О. С., Шарыпова О. А. Выявление причин оттока населения из успешного дальневосточного арктического региона (1990–2020 гг.) // Экономика региона. 2024. Т. 20, № 2. С. 539–555. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-13; EDN: ENGGGU.
9. Головкова Т. П. Айон. Мой остров / Отв. ред. Т. И. Бардашевич. СПб.: Алмаз-Граф, 2024. 143 с.
10. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1987. 288 с.
11. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Общ. науч. ред. Н. Н. Диков. Москва: Мысль, 1989. 492 с.
12. История Чукотского автономного округа. Здесь начинается Россия / Ред. А. А. Носков. Лаврентия: Адм-ция Чукотского муницип. р-на, 2018. 527 с.
13. Коломиец О. П. Народы Чукотки. Люди и время. Омск: Наука, 2025. 340 с. DOI: 10.70201/978-5-98806-364-3; EDN: YCFESZ.
14. Комлев В. А., Балыбердин Ю. А. и др. Оценка уровня прагматичного патриотизма молодежи Кировской области // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2023. № 1(69). С. 155–164. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_155; EDN: WPPLIW.
15. Кузнецов И. М. Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 4. С. 65–81. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4; EDN: NIDDBV.
16. Кузнецов И. М. Ценностные маркеры российской идентичности и патриотические установки россиян: общероссийский и региональный контекст // ИНАБ. 2023. № 1. Межнациональные отношения, гражданская идентичность и интеграционные процессы в полиэтническом пространстве России. С. 24–34. DOI: 10.19181/INAB.2023.1.3; EDN: RSTOLG.
17. Леонтьев В. В. Народные умельцы // Время. События. Люди. 1946–1958 гг. / Гл. ред. И. Н. Каштанов. Магадан: Кн. изд-во, 1973. С. 172–191.
18. Наукан и науканцы: Рассказы науканских эскимосов / Сост. В. Леонова. Владивосток: ОАО «ИПК «Дальпресс», 2014. 212 с.
19. Нефедкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII – середина XX в.). СПб.: Лема, 2017. 456 с.
20. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.
21. Сальникова Л. В. Уэлькальцы – У’альК’ылыг’мит. К 100-летию села Уэлькаль. М.: PressPass, 2022. 112 с.
22. Тан-Богораз В. Г. Классовое расслоение чукоч оленеводов // Советская этнография. П. 1–2. 1931. С. 93–116.
23. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

24. Щеглова Т. К. Российский опыт развития устной истории (oralhistory): организационная структура, направления и формы деятельности. 1990–2020-е гг. // Русский архив. 2021. № 9(1). С. 12–28. DOI: 10.13187/ra.2021.1.12; EDN: НЕРВЕЖ.

25. Щербина Е. А. Патриотизм в региональном измерении (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 51–58. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/51-58; EDN: РМНКСВ.

26. Энмынкау Н. Старики всегда учили нас добру. Ижевск: Принт-2, 2016. 256 с.

Получено редакцией: 19.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Коломиец Оксана Петровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики

Нувано Владислав Николаевич, научный сотрудник Лаборатории истории и экономики

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2

Ethnocultural Meanings of Patriotism and Historical Memory among the Peoples of Chukotka

Oksana P. Kolomiets

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo FEB RAS, Anadyr, Russia

okkolo@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0027-7539

Vladislav N. Nuvano

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo FEB RAS, Anadyr, Russia

vlad_nuvano@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8482-3052

For citation: Kolomiets O. P., Nuvano V. N. Ethnocultural Meanings of Patriotism and Historical Memory among the Peoples of Chukotka. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 15–36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

Abstract. This study analyses the ethnocultural specifics of understandings of patriotism, the concepts of “homeland” and “hero” among the indigenous peoples of Chukotka, and the historical memory of the Great Patriotic War in the context of modern geopolitical challenges, including the special military operation. The relevance of this study stems from the need to study the consolidating role of patriotism in a multiethnic region. The research methodology combines quantitative and qualitative methods. The theoretical framework integrates the ethnographic method, memory studies and oral history approaches, focusing on “history from below.” Chukotka residents’ perception of their homeland is closely linked to their place of birth, family, and nature. Patriotism is interpreted through the prism of traditional values, such as land protection, family ties, and a willingness to self-sacrifice. Thus, in the Chukchi tradition, patriotism can be understood through concepts of blood solidarity. The historical memory of the Great Patriotic War reveals the contribution of the indigenous peoples of Chukotka to the victory (volunteers at the front; construction of airfields on the AISib highway in Markovo and Uelkal; rear support – supplies of furs, reindeer meat, fish products, marine mammals, fur clothing, fundraising, purchase of bonds, unpaid labour).

The article analyses possible reasons for the apparent imbalance in participation in the special military operation between the indigenous peoples of Chukotka and the non-indigenous population (“newcomers”). Indigenous peoples view modern participation in the special military operation as a continuation of the tradition of commemorating the Great Patriotic War and it is associated with voluntary choice, social needs, and a warrior-hunter mentality, expressed in a habit of risk-taking and fatalism.

The study revealed that the patriotism of the peoples of Chukotka is deeply rooted and based on a synthesis of ethnic traditions of defending “their land,” the Soviet legacy of the Great Patriotic War and contemporary civic solidarity. 86.2% of respondents identify themselves as patriots of Russia. Patriotism is manifested through the continuity of heroism (the Great Patriotic War is a special military operation), solidarity in the face of external threats, and a deep connection to the territory.

Keywords: indigenous peoples of Chukotka, ethnocultural characteristics, identity, historical memory, patriotism, homeland, heroes, the Great Patriotic War, special military operation

References

1. Adiyev A. Z. Patriotic discourse in publications of humanities scholars of the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14(3): 133–148 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: LXXZBO.
2. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy. Transl. from Germ. by B. Khlebnikov. Moscow, NLO, 2014: 328 (in Russ.).
3. Assman Ya. Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Transl. from Germ. by M. M. Sokolskoy. Moscow: YaSK, 2004: 355 (in Russ.).
4. Baklanov V. I. On patriotism and non-patriotism in the history of Russia in the 19th–21st centuries. *Filosofiya. Istoriya. Obrazovaniye*, 2023: 3(9) (in Russ.). EDN: ZDKYKM.
5. Bogoraz V. G. Chukchi: Sotsial'naya organizatsiya. [Chukchi: Social organization]. 2nd ed. Moscow, LIBROKOM, 2011: 216 (in Russ.).
6. Vasil'yeva O. V. The meanings of patriotism in the ideas of the indigenous peoples of Yakutia and Chukotka. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023: 12: 70–79 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.12.7; EDN: YKVIYW.
7. Vo imya naroda. Istoriya Chukotskogo avtonomnogo okruga. Organy gosudarstvennoy vlasti Chukotki [In the name of the people. History of the Chukotka Autonomous Okrug. Government bodies of Chukotka]. Ed. by A. A. Noskov. Anadyr, Duma ChAO, 2012: 615 (in Russ.).
8. Galtseva N. V., Favstritskaya O. S., Sharypova O. A. Identifying the causes of population outflow from the successful Far Eastern Arctic region (1990–2020). *Ekonomika regiona*, 2024: 20: 2: 539–555 (in Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-13; EDN: ENGGGU.
9. Golovkova T. P. Aion. My Island. Ed. by T. I. Bardashevich. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024: 143 (in Russ.).
10. Istoriya i kul'tura chukchey. Istoriko-etnograficheskiye ocherki [History and culture of the Chukchi. Historical and Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka, 1987: 288 (in Russ.).
11. Istoriya Chukotki s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of Chukotka from Ancient Times to the Present Day]. Ed. by N. N. Dikov. Moscow, Mysl', 1989: 492 (in Russ.).
12. History of the Chukotka Autonomous Okrug. Russia Begins Here. Ed. by A. A. Noskov. Lavrentiya, Administratsiya Chukotskogo munitsipal'nogo rayona, 2018: 527 (in Russ.).
13. Kolomiyets O. P. Ethnic Groupsof Chukotka. People and Time. Omsk, Nauka, 2025: 340 (in Russ.). DOI: 10.70201/978-5-98806-364-3; EDN: YCFESZ.
14. Komlev V. A., Balyberdin Yu. A., Smirnov M. A., Morzunov A. P. Assessment of the Level of Pragmatic Patriotism of the Youth of the Kirov Region. *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Socialnye nauki*, 2023: 1(69): 55–164 (in Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2023_1_155; EDN: WPPLIW.
15. Kuznetsov I. M. Variability and Dynamics of Patriotic Attitudes of Russians in the Context of the SVO. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2024: 12: 4: 65–81 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4; EDN: HIDDVB.
16. Kuznetsov I. M. Value Markers of Russian Identity and Patriotic Attitudes of Russians: All-Russian and Regional Context. *Mezhnatsional'nyye otnosheniya, grazhdanskaya identichnost' i integratsionnyye protsessy v polietnicheskom prostranstve Rossii*, 2023: 1: 24–34 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2023.1.3; EDN: RSTOLG.
17. Leont'yev V. V. Narodnyye umel'tsy [Craftsmen. In Time. Events. People. 1946–1958]. Ed. by I. N. Kashtanov. Magadan, Kn. izd-vo, 1973: 172–191 (in Russ.).

18. Naukan and Naukanites: Stories of the Naukan Eskimos. Comp. by V. Leonova. Vladivostok, «IPK «Dal'press», 2014: 212 (in Russ.).
19. Nefedkin A. K. Military Culture of the Chukchi (mid-17th – mid-20th centuries). St. Petersburg, Lema, 2017: 456 (in Russ.).
20. Nora P. Problems of Places of Memory. France-Memory. Transl. from Fr. by D. Khapaeva. St. Petersburg, SPbGU, 1999: 17–50 (in Russ.).
21. Salnikova L. V. The Huelkalians – U'al'K'ylyg'mit. On the 100th Anniversary of the Village of Uelkal. Moscow, PressPass, 2022: 112 (in Russ.).
22. Tan-Bogoraz V. G. Klassovoye rassloyneniye chukoch olenevodov [Class Stratification of the Chukchi Reindeer Herders]. *Sovetskaya etnografiya*, 1931: 1–2: 93–116 (in Russ.).
23. Halbwachs M. Sotsial'nyye ramki pamyati [Social Framework of Memory]. Transl. from French by S. Zenkin. Moscow, Novoye izd-vo, 2007: 348 (in Russ.).
24. Shcheglova T. K. Russian Experience in the Development of Oral History: Organizational Structure, Directions, and Forms of Activity. 1990–2020s. *Russkiy arkhiv*, 2021: 9(1): 12–28 (in Russ.). DOI: 10.13187/ra.2021.1.12; EDN: HEPBEJ.
25. Shcherbina E. A. Patriotism in the Regional Dimension (using the Karachay-Cherkess Republic as an Example). *Vestnik antropologii*, 2023: 4: 51–58 (in Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/51-58; EDN: PMHKSБ.
26. Enmynkau N. Old people have always taught us goodness. Izhevsk, Print-2, 2016: 256 (in Russ.).

The article was submitted on: June 19, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana P. Kolomiets, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of History and Economics

Vladislav N. Nuvano, Researcher at the Laboratory of History and Economics